

Яна Дубинянская

СНЫ ПРИНЦЕССЫ ЛИЛИАН

Яна Дубинянская

Сны принцессы Лилиан

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дубинянская Я. Ю.

Сны принцессы Лилиан / Я. Ю. Дубинянская —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Тринадцать человек на борту космического корабля отправлены в Первую Дальнюю экспедицию — грандиозный эксперимент в истории человечества... Властительница средневекового королевства готова противостоять всему миру, чтобы обеспечить будущее принца, своего сына... Девочка из захолустного поселка, разоренного войной и глубоким кризисом, видит яркие, чудесные, сказочные СНЫ... Насколько сильной и стойкой окажется юная, почти детская любовь главных героев? Есть ли в познании мира грань, которую нельзя переступать? Выбирают ли времена и страны для счастливой и наполненной жизни — и если да, оправдывает ли эта жизнь во СНЕ реальность, в которой человек превращается... в растение?

© Дубинянская Я. Ю.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	6
Глава I	8
«Атлант-1», экспериментальный научно-исследовательский межзвездный корабль, экипаж 13 человек, командир Александр Нортон	8
Королевство Великая Сталла, последний год регентства королевы Каталии Луннорукой	17
Поселок Порт-Селин, 119-й год от Эпохи Великих Свершений	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Яна Дубинянская

Сны принцессы Лилиан

Она лежала на спине, и над запрокинутым лицом покачивались ветви клена. Спутанные волосы переплелись с прошлогодней листвой, золоченая сетка на них потускнела и лопнула в нескольких местах. По сгибу обнаженной руки путешествовал новорожденный паучок. Выцветший бархат платья, словно паруса, провисал между сплюснутыми обручами кринолина.

Она спала.

Ее округлые локти, и нежные запястья, и чуть заметные бугорки ключиц у края декольте, – пускали в землю тонкие, полупрозрачные, белесые корни.

Пролог

Папа мыл руки.

Новый кусок мыла, большущий, словно кирпич, полностью прятался в его огромных ладонях. Между пальцами выступала серо-коричневая пена и клочьями падала в раковину.

– Поддай водички, – попросил он.

Девочка привстала на цыпочки и осторожно накренила тяжеленный ковш, чтобы вода стекала тонкой струйкой. Косточки хрупких пальцев, сжимающих ручку ковша, рельефно выступили и побелели. От напряжения девочка даже запыхалась и на секунду умолкла, чтобы перевести дыхание. И продолжала свой рассказ:

– ... У нее было золотое платье с во-от такой длинной юбкой! Но она была злая. Злая-презлая королева. А принц болел. А она кричала, чтобы я ушла, и даже сказала страже: «Прогоните эту девчонку!» Как в той сказке про портного в маминой книжке, помнишь?

Папа промычал что-то, не удовлетворившее девочку, и она требовательно повторила:

– Помнишь?

– Стоп, не лей пока. Что?

– Мамину книжку про портного!

Отец улыбнулся и мыльной рукой почесал нос, отчего на усах повисла пенная капля.

– Конечно, помню. Ну, и что было дальше?

– Я сказала стражникам, что я не к ней, а к принцу, – счастливо заторопилась девочка. – А стражники были хорошие, у них пики страшные, а так совсем не злые, и я прошла, и теперь я боюсь. Вдруг плохая королева будет их ругать, папа?! Будет?

– Будет... То есть не будет, не бойся. Полей еще!

Воды в ковшике оставалось на самом дне. Девочка перевернула его, вытряхивая на папины руки последние капли, а потом наклонилась над баком. Высокие края уперлись ей в подмышки, а вода плескалась так низко, что пришлось как следует перегнуться, чтобы зачерпнуть полный ковш. Но девочка не прерывала увлеченного рассказа:

– А он болел, очень-очень сильно болел, сильнее, чем Фрэнк в прошлом году, такая болезнь, называется «оспа», я запомнила. И он все время звал меня. Все время! Просил: «Пусть она придет, моя любимая сестричка»... Он говорил «сестричка», но я же не сестричка, у меня наша мама и ты, а у него король и та нехорошая королева. Она меня все-таки пустила, чтобы он не волновался, больным нельзя. А сама тоже зашла и сидела все время на большом-большом кресле, золотом и с картинками. И на стене там была очень красивая картина, как у дяди Боба с дамбы, только еще красивее. И вообще там было очень красиво, потому что дворец. А принц лежал на кровати и сказал: «Как хорошо, что ты пришла, Лилиан, только близко не подходи, а то тоже заболеешь». Он меня называл, как взрослую – Лилиан! Он очень хороший. Жалко, что он заболел...

– Жалко. Полей еще, только поаккуратнее. Вода, смотрю, опять кончается...

– И я сказала: «Выздоровливай поскорее, мы пойдем гулять на речку, только купаться нельзя, потому что в городе опять отходы спустили»... Правильно? А то Фрэнк говорит...

– Черт!

Мыльный брусок выскользнул из папиных рук и, ударившись о край раковины, закатился куда-то в угол. Папа смешно помахал над раковиной пальцами, стряхивая пену, и нагнулся за мылом. Девочка отступила на шаг в сторону, обеими руками сжимая ручку ковша, и продолжала, обращаясь к склоненной широкой спине:

– И я хотела остаться там, и принц тоже просил, но она сказала, что хватит, «а-у-денция окончена», и он согласился. Она же его мама, а маму надо слушаться, даже такую злую... И я ушла, но сказала, что еще приду и на речку мы пойдем обязательно, Фрэнк говорил, что

все понты и купаться уже можно. Это он на самом деле говорил, не во сне. А во сне я еще долго гуляла по тому дворцу, потому что не знала, как выйти. Откроешь дверь – а там еще одна, но это ничего, там очень красиво. А стражники были не те. Или, может, просто выход не тот, во дворце же бывает много всяких выходов...

Отец выпрямился, двумя пальцами удерживая брусок, облепленный пылью, волосами и какими-то крошками. Вздохнул, негромко ругнулся сквозь зубы и обернулся к девочке.

– Давай, Лили. Поливай!

Она накренила ковшик слишком сильно, и вода вылилась вся сразу, сплошным потоком. Но папа ухитрился успеть и обчистить мыло, и положить его на полочку, и сполоснуть руки. Потом заглянул в маленькое зеркало над умывальником, смахнул пену с усов. Взял из рук девочки ковш и повесил его на гвоздик, до которого она не могла дотянуться, – только со скамеечки.

– Спасибо. Иди гуляй.

Девочка не уходила.

– Вот такой мне приснился сон. Вчера.

– Вчера?

Папа засмеялся и, мокрыми руками подхватив дочь под мышки, поднял к самому потолку.

– А что тебе завтра приснится, маленькая?

Девочка успела коснуться пальцем потолка – и тут же снова оказалась на полу.

– Откуда я знаю? – удивилась она.

Папа иногда говорит странные вещи. Как может человек заранее знать, что ему приснится завтра?

Отец перестал смеяться, но улыбка еще поблескивала в его густой бороде.

– Я думал, ты уже сочинила. На неделю вперед. Придумщица моя!

Он вытер руки полосатым полотенцем, взлохматил девочкины волосы и прошел в дом, – а она осталась на месте, пристально разглядывая белый от известки кончик пальца и глотая слезы такой неожиданной и несправедливой обиды.

– Я не придумщица... мне правда снилось, – беззвучно шептала девочка.

С ковшика на стене срывались редкие ритмичные капли.

Глава I

«Атлант-1», экспериментальный научно-исследовательский межзвездный корабль, экипаж 13 человек, командир Александр Нортон

В Зимнем саду пахло дождем.

На основании чего напрашивался вывод, что там сейчас отдыхает Селестен. Впрочем, молодой Ли тоже иногда выбирал эту опцию, – но Брюни запускал ее всегда. К тому же он, кажется, только что сменился с вахты.

Поаккуратнее с «кажется», старик, – одернул себя Нортон. Ты должен знать такие вещи точно. Хотя бы это ты должен знать, раз уж якобы командуешь этим гробом...

На темно-зеленых разлапистых листьях монстры поблескивали мелкие капельки. Чудовищное растение, которое тот же Брюни на правах биолога и начальника экспедиции не давал подрезать, вымахало до невероятных размеров. Монстера оплела пол-отсека, задавила массой другие, менее жизнеспособные лианы и потихоньку начинала выживать из сада членов экипажа. Дать бы перегрузку хотя бы в два-три g – интересно, чтобы осталось от этого монстра... тьфу ты, что за дурацкий каламбур...

– Я пас, – послышалось из зарослей.

– Двести.

– Принимаю.

Из трех голосов Александр узнал только один – ломкий юношеский басок инженера по коммуникациям Феликса Ли. Вот и мальчишку втянули в эту порочную компанию, круглые сутки по внутреннему времени занимающуюся перекачиванием денег из кармана в карман. Причем, что особенно забавно, пока еще незаработанных денег.

Нортон рванул в сторону шершавую плеть лианы, сминая ближайший огромный лист.

Трое за столом разом повернули головы.

Селестена Брюни среди них не было – можно было и догадаться, начальник экспедиции не из тех, кто играет и заигрывает с подчиненными. Значит, дождевую опцию включил все-таки Феликс – сейчас он во все глаза смотрел на командира, и широкое мальчишеское лицо неравномерно покрывалось пунцовыми пятнами. Неловким движением он подгрел к краю стола стопку карт, чтобы «незаметно» столкнуть их себе на колени. Двое других – это оказались тщедушный черноволосый врач Коста Димич и, что совсем уже неожиданно, добродушный увалень Брэд Кертис, системный механик, – давно расправились со «следами преступления» со своей стороны. На лице Димича было легкое философское презрение ко всему на свете и к нему, Александру Нортону, лично. Кертис же сидел спиной к выходу, повернуться при своей комплекции сумел лишь вполоборота и вообще не глядел на командира.

И что ты им скажешь? Как там у нас дела с речью, приличествующей случаю?...

На складном металлопластиковом столе, стилизованном идиотом-дизайнером под ажурный столик в летней беседке, осталась горсть серебристой мелочи. Монетки, которые близкие и друзья членов экипажа всучили им перед отлетом, предназначенные упасть на дно какого-нибудь инопланетного водоема. Что ж, трудно не согласиться: можно найти более разумное применение деньгам. Даже таким мелким.

Феликс Ли перехватил взгляд командира и судорожно накрыл кучку монет ладонью. Похоже, его выигрыш.

– И какой сегодня курс? – осведомился Нортон. Глупо, черт, как же все это глупо...

Все трое молчали. Щеки молоденького инженера стали равномерно бордовыми. Он шевельнулся, и карты с шелестом посыпались на пол с его колен.

– Один к ста, – наконец непринужденно уронил Коста Димич. – Это удобно – один к ста. Мы обычно так и играем. Кроме тех случаев, когда кто-то из ребят хочет пощекотать нервы. Тогда – один к тысяче.

Командир слегка стиснул зубы. Спокойно. Никто, кроме тебя самого, не виноват...

– Значит, вы порядочно выиграли, инженер Ли. Поздравляю.

Стыдно. Сорвался на мальчишке, который и так готов провалиться на этом самом месте. Единственный из всей компании.

Впрочем, возможно, как раз ему и пойдет на пользу.

– А в чем дело, командир?! – внезапно взвился флегматичный, как устрица, Кертис. – Где в Уставе написано, что члены экипажа не имеют права развлекаться в свободное время? Времени у нас, слава Богу, хватает, даже с головой. А развлекается каждый как может, вы уж извините. Я не такой ученый, чтобы часами музыку слушать, как, скажем, биолог Брюни... Вы уж простите. И на мальчика не...

– Не надо, Брэд, – скороговоркой выпустил сквозь зубы Ли.

– Спиртное, табак, вещества психотропного воздействия и азартные игры на борту категорически воспрещены, – ровным голосом автомата отстучал Нортон. Боже, какой идиотизм... – Я цитирую Устав, если вы его подзабыли, механик Кертис. Повторяю: азартные игры.

– И секс, – равнодушно добавил врач.

И выпрямился, наслаждаясь эффектом.

Только что плававший праведным гневом Брэд Кертис внезапно, словно внутри него переключили некий рубильник, расхохотался во всю свою простодушную глотку. Юный Феликс Ли покраснел еще больше и прикусил губу, тщетно сдерживая смех. Скорее с досадой, нежели с более сильными эмоциями, Нортон почувствовал, что и его губы растягиваются в дурацкой ухмылке. И что тут смешного?

Сам Димич хохотнул коротко, больше ради компании. На командира он смотрел с уже нескрываемым пренебрежением.

Зачем тебе весь этот балаган? Что и кому ты пытаешься доказать?...

– Сегодня в восемь заступаete на вахту вне очереди, медик Димич, – устало бросил он. – На одни внутренние сутки. Потом занимайтесь сексом сколько хотите и с кем хотите. Этого Устав не запрещает.

Он развернулся, и мокрый лист монстеры подло черкнул по лицу. За спиной закатывались в неудержимом хохоте Брэд Кертис и молодой Ли.

Смеха Косты Димича, злорадно отметил командир, слышно не было. Хватит, отсмеялся. Двадцать четыре внутренних часа вахты еще никому не казались особенно смешными. А ведь это единственная работа, доступная экипажу «Атланта» – если не считать контроля за состоянием техники, никогда не выходившей из строя, а в случае Димича – за здоровьем людей, никто из которых на таковое не жаловался.

Впрочем, они в пути всего лишь четырнадцать с половиной внутренних месяцев. Все еще может случиться.

И как ты поступишь, когда в один прекрасный день кто-то из них откажется выходить на внеочередную вахту по твоему приказу? Или даже на очередную?...

* * *

Он вышел в соседний отсек. За спиной герметично съехались двери, и следующий вдох был уже лишен запаха дождя – как и любых других запахов. Стерильный воздух, по всем параметрам оптимально соответствующий потребностям человеческого организма. Плюс неизменно оптимальная сила тяжести, и дневное освещение, и... На «Атланте» оптимальным было абсолютно все. Если тебя это раздражает, значит, что-то не в порядке с тобой самим.

Перед входом в боковой аппендикс компьютерного отсека Нортон замедлил шаги. Надо бы зайти. Функция надсмотрщика – последний доступный тебе атрибут власти, так что не стоит пренебрегать этой функцией.

Программист Марк Олсен не поздоровался и не поднял головы – слабым извинением могло служить то, что он, кажется, вообще не заметил прихода командира. Напряженная, словно у гонщика, спина горбилась за столом, полностью перекрывая монитор персонального компьютера. Правая рука судорожной хваткой вцепилась в мечущуюся под ней мышку, а левая, судя по звуку, лихорадочно бегала по клавиатуре.

Многочисленные встроенные мониторы по стенам отсека тщательно вычерчивали цветные мерцающие графики, периодически выкидывали столбцы цифр и бегущие строки условных символов. Командир окинул их беглой панорамой взгляда. Все нормально. Все, как всегда, нормально до бессильного зубовного скрежета.

На этом фоне бурная деятельность Олсена выглядела как-то странновато. Нортон подошел ближе и посмотрел через плечо программиста.

И не удержался от ухмылки.

В глубину монитора уходил трехмерный, очень реалистичный коридор, утыканный разноцветными лампочками, которые, должно быть, сильно затрудняли перестрелку с лезущими отовсюду наглыми зелеными монстрами. Но Марк разил без промаха, попутно вычерчивая сложный узор в настенной иллюминации. Монстры разлетались на куски, брызгая малиновой кровью, цветные огоньки выстраивались красивой шахматкой...

Игра. Вот к чему закономерно обращаются люди, лишенные возможности заняться настоящим делом. Игра – самообман, фальшивка, суррогат... И спасение. Играющий ребенок не замечает течения времени и не задумывается, зависят ли от него справедливость в мире и собственная судьба... А ты слишком давно был ребенком. Ты забыл, как это. Может, стоит попытаться вспомнить, понять – прежде чем метать вокруг наказания, на которых никакому авторитету долго не продержаться...

Ерунда! Уж кто-кто, а Димич заслужил. И вообще надо прижать как следует всю их покерную шайку. Хотя бы из-за мальчишки, Феликса. Игра игре рознь. Вон Марк спокойно, никого не трогая, уселся перед компьютером и... Это по крайней мере безобидно.

Безобидно?

– Программист Олсен!

Спина на мгновение выпрямилась – и опять сгорбилась, словно игрок примерился нырнуть в виртуальный коридор.

– Программист Олсен! – Нортон коснулся его плеча. Никакой реакции.

Это уже не смешно.

Он обошел компьютерщика сбоку и со всего размаху опустил ладонь на кисть руки, управляющую мышкой. Черт возьми, это совсем не смешно!

Нахальный монстр поднял бластер и выстрелил в упор, прежде чем Олсен остановил игру.

Марк поднял голову. Жесткая рыжеватая щетина на подбородке. Утомленные, в красную сеточку, укоризненные глаза.

– Ну зачем вы так, командир? – обиженно сказал он. – Я слышал, как вы вошли. Я бы только доиграл до конца уровень, совсем немного оставалось...

А ведь он не так уж и молод. Двадцать девять лет, жена и восьмилетний сын, – досье на каждого из членов экипажа Нортон пока что помнил. Интересно, как госпожа Олсен терпит подобное безобразие? Каково это – иметь вместо мужа-мальчишку, которого физически невозможно оттащить от любимой игры... Или на Земле у него это не доходит до такой степени?

Мы не на Земле.

– Знаете, чего мне тут больше всего не хватает? – мечтательно протянул Марк, массируя пальцами прикрытые веки. – Интернета.

– Программист Олсен, – жестко произнес командир, – потрудитесь доложить, как работает внутренняя компьютерная сеть. И прошу вас ежедневно подавать рапорт о ее состоянии, фиксируя мельчайшие неполадки.

Марк приоткрыл сначала рот, не издавший ни единого звука, а затем, опустив руки, широко распахнул изумленные глаза.

И он прав. Ты сморозил редкостную чушь. Сморозил потому, что теряешь контроль над собственными словами. Теряешь самообладание. Теряешь самого себя.

Программист обрел, наконец, дар речи:

– Так ведь все нормально! За четырнадцать месяцев ни одного глюка не было, ну ни одного! Нет, если вы приказываете, я буду писать, конечно... – он сглотнул, обозначив микроскопическую паузу. – Вы не думайте, я просто поменял плату в пи-си и хотел посмотреть, как оно будет ходить, вот и запустил игрушку, а так... Я больше не буду!

Нортон вздохнул.

– Ладно уж. Доигрывайте ваш уровень.

Марк прикусил губу и досадливо помотал головой.

– Теперь вряд ли выйдет. Тот последний меня подстрелил, и здоровья осталось восемь процентов. Не дотяну...

Да нет, это все-таки смешно. Просто смешно – и ничего больше.

– Постарайтесь дотянуть, – он шагнул к выходу, и дверные створки предупредительно разъехались в стороны. – И я жду рапорта, программист Олсен.

Никогда не отменять своих приказов – даже самых что ни на есть идиотских. Правило, которое тебе вбивали в голову всю жизнь. Так что теперь справедливости ради придется обязать всех членов экипажа подавать ежедневные рапорты. Может быть, это не такая уж глупая мысль. Может, даже временный выход. Горы никому не нужны бумаги – не слишком высокая цена за полчаса убедительной имитации деятельности. Пожалуй, стоило раньше додуматься до подобного решения: бюрократия во все времена служила неплохим прикрытием и оправданием тягучего безделья. На этом приказе можно продержаться какое-то время...

Если бы знать, сколько его впереди, этого времени: еще четырнадцать месяцев, или четырнадцать лет, или двадцать четыре, или?... В Ближних экспедициях все было известно заранее, просчитано до минуты, – да, собственно, они никогда не длились больше двух-трех месяцев. Впрочем, тогда никому не приходило в голову называть эти экспедиции Ближними. Они измельчали лишь в сравнении с нынешним проектом, этим чудовищем гигантомании по названию Первая Дальняя. Ты должен был предвидеть, что она не станет просто удлиненным вариантом прежних полетов, которых у тебя за плечами многие десятки. Что помпезный, идиотский, непродуманный эксперимент обязательно вырождается в новое, уродливое качество... В Ближних все казалось естественным: и относительное безделье во время перелета, и непререкаемая власть командира.

Ты сам виноват. Ты согласился.

* * *

– Вы можете отказаться, Нортон, – предупредил тот человек, и по его лицу было не понять, насколько его расстроил бы отказ. – Но, если вы соглашаетесь, вы должны стать нашим союзником. Пусть вам кажется не совсем честной такая постановка вопроса: поверьте, все просчитано до мелочей и делается только ради обеспечения нормального психологического климата на борту. Экипаж должен считать «Атлант» обычным пилотируемым кораблем, управление которым осуществляете вы. Согласитесь, мы не можем послать корабль в Дальнюю экспедицию без командира... О Самодостаточной навигационной системе, которая лежит в основе устройства корабля, – этом шедевре конструкторского бюро Улишамова, – будете знать только вы.

– А если система выйдет из строя?

Было бы странно, если бы ты об этом не спросил.

– Не выйдет, – жестко поджав губы, оборвал тот человек.

Теперь уже и ты не сомневаешься в этом. «Атлант», идеальный космический гроб, способен лететь и лететь ровно столько, сколько осталось до цели, которую сочтешь достойной не ты, командир, и не начальник экспедиции Брюни, и не кто-либо другой на борту, – а Самодостаточная навигационная система. Которая никогда не выйдет из строя, как и ничто другое на корабле. Разве что люди, – а вот за людей как раз отвечаешь ты... должен отвечать.

Тут, пожалуй, организаторы проекта допустили свой главный просчет. Ты, опытный навигатор, командир многих десятков Ближних, и неплохой, черт возьми, командир! – оказался неспособен хладнокровно создать и поддерживать иллюзию собственной власти и права на нее. Ты дал слабину, позволив людям догадаться, что ни от тебя, ни от них ничего здесь не зависит. Что ты, командир, не можешь сделать даже самого элементарного...

Повернуть назад.

* * *

Он споткнулся и в полный голос выругался. Какого дьявола ты изо дня в день изводишь себя сеансами самокопания, которые реально представляют из себя один бессмысленный пшик?! Сегодня ты сделал одно настоящее дело: отправил на вахту наглеца Димича. Сделай хотя бы еще одно: сходи в Центральный узел и озвучь приказ о ежедневных рапортах.

Да, но для начала не мешало бы согласовать с Селестеном. Все-таки пять человек на борту – научный состав экспедиции, подчиняющийся непосредственно биологу Брюни. Вахту они несут наравне с прочими членами экипажа, но отчитываться узкоспециальным ученым сейчас, во время перелета, попросту не о чем. Нортон поморщился и замедлил шаги. Если элементарно не распространять требование на этих пятерых, получится неприкрытая дискриминация на борту, которая рано или поздно выльется в конфликт. А если распространить...

Отменять идиотские приказы нельзя. Но можно, черт возьми, думать перед тем, как их отдавать!

На мониторе при входе в каюту Брюни мерцала синими и фиолетовыми огоньками надпись «не беспокоить». Впрочем, биолог, кажется, не отключал ее никогда. Александр Нортон бесцеремонно дернул за рычаг аварийной разблокировки.

И остановился в открывшемся проеме.

Звенела тонкая, мелодичная, негромкая музыка, не веселая и не печальная, словно естественное звучание самого воздуха. Начальник экспедиции Селестен Брюни, – невысокий и

сухощавый, с узким лицом аскета, – сидел, откинувшись в кресле и опустив выпуклые, все в прожилках, веки без ресниц. При вторжении командира под ними на мгновение возникла темная щель – и тут же снова сомкнулась.

– Входи, Алекс.

А все-таки ты мог хотя бы постучать.

– Я уже вошел, – усмехнулся он. Дурацкая улыбочка, дурацкая неловкость... – Что это ты такое слушаешь, Стен?

Под извилистой кожей век прокатились туда-сюда шарики глаз. Длинная рука стареющего аристократа сделала в воздухе неопределенный восьмеркообразный жест.

– Молодой композитор, не помню фамилии. Псевдовосточные фантазии на двенадцати тонах. Попса, конечно, но расслабляет.

Селестен, разыгрывающий из себя пресыщенного эстета. Ерунда какая-то, даже нелепее приросшего к компьютерной игрушке Олсена. Стен, с которым вы налетали пять или шесть Ближних экспедиций, которого ты привык видеть жестким и сосредоточенным, у которого даже руки на самом деле совсем другие!.. И музыка – раньше он ни за что не стал бы так пренебрежительно отзываться о том, что слушал.

Если эта ржавчина сумела разесть даже такого, как Селестен...

– Стен, я пришел, чтобы... Короче, мне нужен твой совет.

Приподнятые брови – над закрытыми по-прежнему глазами.

– Мой? Но ты ведь командир корабля, Алекс. Мои полномочия вступают в силу только в том случае, если...

Неуловимая пауза.

– ... когда мы куда-нибудь прилетим и начнем исследования, – он зевнул, почти не открывая рта. – А пока что я на «Атланте» практически пассажир.

– Прекрати, Стен, – бросил Нортон.

Брюни и теперь не шелохнулся. Ни единой мышцей на расслабленном лице. Тоненько и бесстрастно пела восточная музыка. Очень хорошая музыка, – если кого-то интересует мнение полнейшего дилетанта...

– Рассказывай.

Рассказывать расхотелось. Через силу выплевывая скомканные фразы, Нортон коротко изложил биологу суть дела.

– И что?

Нежные монотонные звуки. Неподвижная фигура. Кстати, а ты, налетающий со Стеном пять или шесть Ближних, помнишь, какого цвета у него глаза?

... Что? В смысле – что теперь делать?

Пожалуй, только повернуться и шагнуть к выходу.

– Я пойду. Отдыхайте, биолог Брюни.

– Моих ребят озадачишь исследовательскими планами. Всего-то.

Нортон остановился. Действительно, всего-то, – понял он еще раньше, чем обернулся и посмотрел в лицо Селестена. Спокойное, с опущенными веками. Даже движение тонких губ было почти неуловимо. Голос звучал ровно – как музыка на двенадцати тонах.

– Разумеется, ежедневно рапортовать они тебе не должны, это бессмысленно, но к концу внутреннего месяца пусть каждый подготовит плановую разработку страниц этак на десять-пятнадцать. Я думаю, у технарей претензий не будет.

– Подожди, Стен, – все-таки возразил командир, хотя чего уж тут возражать... – Но ведь мы даже приблизительно не можем предположить, что именно придется исследовать. И как ты себе представляешь?...

Снова – небрежно-аристократический жест:

– Да кто потом станет обращать внимание на эти планы...

Нортон кивнул – хотя начальник экспедиции все равно не мог этого видеть.

– Спасибо, Стен. Иду в узел.

Дверные створки сомкнулись за его спиной. Оглянулся через плечо – наверху мирно переливалось синим и фиолетовым: «не беспокоить»... Может быть, Селестен прав и тут.

Может быть.

* * *

Чтобы сократить путь, командир шагнул напрямую в Сквозной коридор – и зябко передернул плечами. Похоже, эту коммуникацию проектировал озлобленный на мир неизлечимый ипохондрик. Голая труба свинцового цвета, тускло освещенная и узкая настолько, что высокий мужчина вынужден нагибаться, передвигаясь по ней. При этом ощущение бесконечной ловушки было настолько реальным, что никак не компенсировалось истинной экономией времени и дороги. Насколько знал Нортон, никто из экипажа без экстренной необходимости не пользовался «сквозняком» – а такой необходимости, кажется, еще ни у кого ни разу не возникало.

В том числе и у тебя.

Так какого черта ты каждый день хоть один раз непременно лезешь в эту дыру? Словно мальчишка, тренирующий силу воли холодным душем и неразвернутой шоколадкой под учебником ботаники.

Внезапно впереди выросла темная стена – как будто трубу перегородили поперек. Он рефлекторно выставил руку вперед – и стена отшатнулась. Тусклый свет фрагментами пробивался сквозь нее, довольно четко очерчивая человеческий контур.

Черт!

– Кто здесь? – сурово спросил Нортон.

Стоп. Конструкция коридора не допускает, чтобы в него входили одновременно в разных направлениях! Чертовщина какая-то...

– Инженер по коммуникациям Феликс Ли! – бодро отрапортовала «стена» слегка подрагивающим голосом. – А... это вы, командир?

Так, все ясно. Очевидная неполадка в коммуникации и присутствие инженера более-менее увязываются между собой. Значит, для мальчика таки нашлась работа. Наконец-то.

Накатила безмятежная, едва ли не щенячья необъяснимая радость. С чего б это вдруг? Неужели от сознания, что этот рафинированный космический гроб на самом деле отнюдь не абсолютно безупречен? С ума сойти, ты радуешься поломке своего корабля! Абсурд – но абсурд закономерный. Ты радуешься, потому что, если сегодня востребован молодой Ли, то завтра, может быть, что-то начнет зависеть и от тебя, командира...

– Доложите о неисправности, инженер Ли.

Феликс молчал. Труба гулко резонировала судорожный глоток.

– Я... – наконец выговорил юноша, – не уверен, что понимаю вас, командир Нортон.

Чертовщина продолжалась, издевательски похохатывая громким шарканьем подошв переминающегося с ноги на ногу инженера.

Радость улетучилась.

– Я спрашиваю, что именно сломалось в Сквозном коридоре, – негромко отчеканил Нортон. – Докладывайте, инженер Ли!

– Сломалось? – голос парня дрогнул уже совсем явственно. – Я... кажется, ничего... Я сейчас проверю и доложу!

– Стойте.

Он вдруг увидел эту сцену как бы со стороны, в разрезе. Крысиная нора узкой прямой трубы, в которой скрючились в три погибели командир корабля и мальчишка-инженер,

блокируя друг другу путь и при этом мило беседуя, – судя по всему, о совершенно разных вещах...

– Ступайте в боковой выход.

– Вы хотите пройти, командир? – наивно спросил Феликс.

– Ступайте!

Темная фигура послушно вильнула вбок – словно дверная створка, отъехавшая в стену. Нортон завернул следом. Они оказались в маленьком, два на два метра, шлюзовом отсеке. Самое место для конфиденциальной разборки начальника с подчиненным.

– Ну? – скучно бросил он.

Парнишка непонимающе захлопал глазами. Карими, – неизвестно зачем отметил командир. С густющими, дремучими ресницами...

– Что ты делал в «сквозняке»?

И тут Феликс покраснел. Ярко-малиново, вдвое сильнее, чем там, в Зимнем саду, за картами, – хотя, казалось бы, куда еще...

– Я... но вы будете смеяться, командир Нортон.

Неуправляемое раздражение было тут как тут, он не успел его погасить.

– Какая тебе разница? Отвечай на вопрос!

На багряных щеках медленно проступали еще более темные пятна. Инженер Ли. Двадцать три года, прямо со студенческой скамьи. Круглый отличник престижного университета, но все равно странно, что зачислен в состав экспедиции такого ранга. Двадцать три года. И, разумеется, не женат...

– Я отвечу, – прошептал Феликс, – но вы все-таки постарайтесь не смеяться. Понимаете, я... мы... все в порядке, ничего не происходит. «Атлант» – замечательный корабль, тут все идеально спроектировано... Но ведь рано или поздно мы прилетим, и нас ждет встреча с неизведанным! – его мальчишеский голос уже звенел в полную мощь, и командир прикусил изнутри губу, запирая неуместную улыбку.

– ... Так что, мне кажется, мы не имеем права расслабляться. И я... хожу сюда, чтобы... – Ли снова смешался.

– Понимаю, – кивнул Нортон, и выпущенная из-под контроля улыбка таки прорвалась на волю. Бедный мальчик!

Откуда ему знать, что смеешься ты вовсе не над ним. В его возрасте еще простиительно тренировать силу воли на запечатанную шоколадку. Или на ежедневный спуск в очень неприятную коммуникацию, мрачную свинцовую трубу под названием «Сквозной коридор». Которая, как и все на этом корабле, и не думала выходить из строя. Просто Феликс проводит свои испытания на твердость в чистом виде, не маскируя их под желание куда-то попасть с помощью «сквозняка». Он, наверное, уже с полчаса торчит в трубе, а вошли вы с ним в нее в одном и том же направлении.

И с одной и той же целью. Действительно, забавно.

– Можете идти, инженер Ли.

Юноша метнулся к выходу, словно так и не прирученная лисица, вытряхнутая в лесу из клетки. Но, когда створки уже начали разъезжаться, внезапно остановился и обернулся.

– Командир Нортон...

– Что у тебя еще? – спросил он устало.

– Командир Нортон, – мальчишеский голос снова дрогнул. – Вы отправили на вахту медика Димича... это несправедливо. Отмените ваш приказ.

Ничего себе!

Возникшее было чувство родственности с этим мальчиком растворилось, как дым. Перед командиром стоял подчиненный, только позволивший себе неслыханную дерзость. И как ты поступишь в такой ситуации – чтобы она не стала повторяться слишком часто?

– Устав запрещает азартные игры, – развивал свою мысль обнаглевший юнец. – Но мы ведь играли не на деньги! Так, на мелкие монетки, сувениры. Это нельзя считать аза...

– Можете идти, инженер Ли.

Парень осекся и выскользнул в дверной проем, закрывшийся за его спиной.

Дурачок. Интересно, что он скажет, когда на Земле при получении жалования окажется, что все оно честь по чести принадлежит честнейшему из карточных партнеров, медику Косте Димичу, несправедливо посланному в свое время жестоким командиром на внеочередную вахту... Но какого черта ты просто так отпустил вконец зарвавшегося пацана? Он ведь тоже напрашивался на внеочередку, и надо было...

Постой, а ведь разговор с мальчишкой сделал тебя оптимистом! «Когда на Земле...»

Селестен сказал бы «если».

Хватит. Ты направлялся в Центральный узел.

Все четыре стены тесного шлюзового отсека представляли из себя выходы: один – в Коридор, один – наружу и два – в соседние помещения. Нортон задумчиво крутнулся на месте, непростительно медленно – впрочем, никто этого не видит, – пытаюсь сориентироваться в пространстве. Оказался лицом к выходу в «сквозняк» и усмехнулся. Нет уж, хватит. До Узла вполне можно дойти нормальным путем. Найдутся более достойные обстоятельства для проявления железной командирской воли.

* * *

Связист Олег Ланский не повернул головы навстречу вошедшему командиру.

Они как сговорились все, честное слово!..

Рыжая голова в наушниках была склонена, а неправдоподобно длинные руки будто сами по себе металась по обширному черному полю звукового пульта, усеянному мигающими лампочками, клавишами, рычажками, тумблерами, циферблатами и шкалами с дрожащими стрелками. Мониторы на стене перед связистом вразнобой светились всевозможными изображениями – от абстрактных таблиц до мультяшек и даже какого-то классического кинофильма.

Смотрим кино. Играем в игрушки. Вместо того, чтобы оперативно обеспечить командиру синхронную связь со всеми отсеками.

– Внеочередная вахта на двое внутренних суток, связист Ланский, – зло пробормотал Нортон.

Черт! Неизвестно почему голос сел, и приказ получился совершенно беззвучным, будто крик во сне. Этого еще не хватало. Командир со злостью прикусил губу, выругался и шагнул вперед.

Олег обернулся. Простоватое веснушчатое лицо было серьезно-сосредоточенным и одновременно счастливым, словно у студента-первокурсника, который отвечает на экзаменационный вопрос и видит, что преподаватель уже ставит в ведомость отличную оценку.

– Как хорошо, что вы пришли, командир Нортон, – его руки продолжали бегать по громадному пульта. – Я уже хотел сам объявить по синхронке... но если вы, это будет гораздо лучше.

– Что случилось, связист Ланский?! – на этот раз голос прогремел.

– Через десять минут сеанс. Земля.

Нортон перевел дыхание, и разномастные картинки на мониторах на секунду крутанулись перед глазами пестрым хороводом. И тут же экраны разом погасли и засветились сине-зеленой шахматкой оперативной готовности.

Земля.

Королевство Великая Сталла, последний год регентства королевы Каталии Луннорукой

Рыцари неслись навстречу друг другу, словно разноцветные мячики, по которым как следует наподдали игральными битами. Красно-черный Геворг дес Вилис по прозвищу Железный против бело-голубого князька с Юга, многочисленные имена которого герольды прокричали совсем уж неразборчиво.

Сверху плащ Железного смотрелся правильной трапецией, летящей за головами коня и всадника, а у его безымянного противника плащ сбился в сторону и казался излишней тряпкой. Плохо сбалансированное копьё, вихляющее во все стороны, тоже выглядело ненужной палкой, а не оружием, и к тому же сильно снижало скорость незадачливого южанина. Победа славного Геворга была вопросом нескольких мгновений.

Вот всадники поравнялись; над галереями, битком набитыми знатью, взвился нечеловеческий рев...

Ну же! Ну!!!

... и оба мячика покатались дальше, уже медленнее, тщетно пытаясь поскорее затормозить.

– Позорище, – сплюнул господин старший советник, суровый тонкогубый Литовт.

Королева пожала плечами. Обнаженными скульптурными плечами с лунно-белой кожей. Кстати, солнце уже слишком высоко, а балдахин чересчур прозрачен... Она шевельнула пальцами, и двое пажей слаженным движением накинута ей на плечи серебристый кружевной шарф.

– Нет, почему, – возразила она. – Южный князь неплохо сманеврировал. У кого нет шансов в нападении, тот вынужден совершенствовать защиту.

Мальчишка-писец, скорчившийся у ног королевы, бросился записывать новый афоризм. Чересчур явственно, чуть ли не демонстративно. Молод еще для такой деликатной должности, – раздраженно подумала она. Неужели Литовт не мог подобрать лучшую замену его опальному предшественнику?

Тем временем цветные мячики развернулись и заняли исходное положение в противоположных концах ристалища. Внизу, под королевской ложей, к черно-красному дес Вилису зачем-то подскочили с полдюжины человек. Ему поправляли знамя на древке, подтягивали подпругу, обтирали морду коня и даже принесли сменный плащ. Рыцарь с Юга маялся вдали, ковыряя землю неудачным копьём. Над галереями, а особенно в сгрудившейся между ними и оградой арены толпе, состоявшей из зрителей попроще, очагами вспархивал недовольный ропот, – впрочем, пока довольно слабый. Огромная пестрая воронка неравномерно гудела и колыхалась, напоминая мелко нарезанный, но еще не заправленный соусом салат.

Она поморщилась, отгоняя неуместное и совсем не королевское сравнение.

Народ. Надо нравиться своему народу.

– Я приказываю продолжать, – бросила негромко, ни к кому особенно не обращаясь.

Литовт коротко кивнул и одним уголком губ передал приказ по цепочке. Слова королевы мышью прошелестели дальше, и через минуту вокруг разнесся пронзительный вопль глашатаев:

– Ее Величество Каталия Луннорукая, единая властительница Великой Сталлы и провинций на Юге и Востоке, повелевает продолжать турнир!

Толпа взревела более чем удовлетворенно. Дважды протрубили рога, невидимые биты со всего размаху ударили по мячикам-рыцарям, и те полетели навстречу друг другу. За каждым клубился пыльный след, – и даже след за Геворгом Железным был куда тверже и убе-

длительнее, нежели за его противником. Расправлял крылья ало-черный плащ, бестрепетное копьё рассекало воздух.

Рыцари сближались.

Толпа затаила дыхание.

Мальчик-писец привстал на полусогнутых ногах, в азарте забыв о своей незаметной и бессловесной роли.

И даже невозмутимый Литовт чуть-чуть сжал губы.

Острые ощущения, усмехнулась королева. Исход поединка предрешен и очевиден – а каждый старик-подагрик в галереях для знати и каждая деревенская девчонка в толпе переживают так, словно от его исхода зависят их собственные жизни. Причем не исключено, что многие болеют за южанина в линялом бело-голубом плаще и с разбалансированным копьём... Народ по своей природе великодушен, он способен истово желать победы даже нездешним, растерянным и слабым. Хотя и у дес Вилиса, без сомнения, хватает страстных болельщиков... Жутко представить, что творилось бы во время турниров, если бы не обязательное присутствие целой армии магов-стабильщиков – по одному на десять-пятнадцать человек.

Каталия отвела взгляд от арены и взглянула на ближайшего, куратора королевской ложи. Невысокий седоватый человечек, слегка неряшливо одетый. Обыкновенный, буднич- ный. На сегодня один из самых сильных стабильщиков в Великой Сталле...

Его помятое лицо было мертвенно-серым, рот перекосился, на лбу и подбородке блес- стели бисеринки пота. Левый глаз судорожно подергивался. Со стороны, не зная, кто этот человек, можно подумать, что он наизартнейший из присутствующих зрителей, – хотя всем известно, что на исход любого поединка стабильерам в высшей степени наплевать. Они про- сто выполняют свою работу. И за присутствие на турнирах запрашивают вдвое, а бывает, что и вчетверо. Работа, говорят, тяжелая, – и, глядя на него, едва ли не самого сильного в королевстве, можно в это поверить...

Право же, смотреть на мага было куда интереснее, чем следить за предрешенным ходом событий на ристалище. Разочарованный рев тысяч глоток застал королеву врасплох. Она перевела недоуменный взгляд на арену: бело-голубой и красно-черный всадники снова разъ- ежались в разные стороны, пытаясь придержать разгоряченных скачкой коней.

– Снять с турнира, – процедил сквозь зубы Литовт. – Обоих. С позором.

– Боюсь, такое решение не было бы популярным в народе, – со смешком возразила королева. – Пожалейте стабильщиков.

Юный писец дернулся, но, по-видимому, не счел эти слова афоризмом, достойным истории. Каталия поморщилась. Этого парня слишком много – лучше бы его не было вообще.

Протрубили рога, и рыцари снова устремились навстречу друг другу – правда, вполо- вину медленнее прежнего. Усталые кони разве что не срывались на шаг. Да и азарт зрителей, бесплодно миновав высшую точку, покатылся на убыль. Маг-стабильер перевел дыхание и быстрым движением вытер пот со лба.

Каталия Луннорукая лениво следила из-под полуопущенных век, как пересекаются посреди ристалища пути двух цветных фигурок. Как нелепо вскидывается длинное копьё, шарахается в сторону испуганный конь, падает на землю бело-голубой плащ... только плащ.

А затем вдруг и красно-черный – но уже вместе со всадником. И с копьём, торчащим, как вилка, из широкой груди...

В галереях родился тихий неуверенный ропот, он колебался, постепенно нарастая, и внезапно воздух прошла одинокая пронзительная овация. И, как по сигналу, вся толпа взо- рвалась криками, приветствуя победителя.

Герольды, безуспешно пытаясь всех переорать, визгливо и совершенно неразборчиво выкрикивали бесконечные, по южному обычаю, имена победителя.

– Насмерть, – бесстрастно проронил Литовт.

Его сухой ястребиный профиль продолжала теперь короткая зрительная труба, инкрустированная перламутром. Советник придерживал ее двумя пальцами у самых глаз – миниатюрное изящное изделие, подаренное каким-то иноземным послом.

– Дайте, – хриплым шепотом попросила Каталия.

Не оборачиваясь, Литовт протянул трубу. Королева поспешно выдернула ее из его цепких пальцев и поднесла к лицу. Ристалище прыгнуло вперед, но было словно подернуто густым туманом, и она досадливо встряхнула заморскую диковинку.

Только теперь, когда все было кончено, накатила настоящий азарт. Она должна это видеть! Видеть немедленно, во всех подробностях и красках. Видеть до того, как слуги унесут с арены тяжелое тело побежденного, глупо наколотого на вилку несбалансированного южного копья... Эта проклятая зрительная труба!

Литовт протянул руку и, не отнимая трубы от глаз королевы, одним рассчитанным движением навел резкость.

Поверженный Геворг дес Вилис лежал на пыльной земле, запрокинув голову, – и четко выступал кадык на загорелой шее, и беспорядочно вились темные волосы на затылке – Железный из бравады очень редко надевал шлем. Но лица все равно не было видно: его захлестнул черно-алый плащ, скрутившись жгутом, похожим на толстую змею. Каталия чуть сдвинула трубу, и от этого малейшего движения потеряла распростертую фигуру, заметалась по изрытой копытами арене. Случайно наткнулась на сапог с огромной звездой шпоры и осторожно поползла вверх, по блестящим сочленениям наколенника, по пластинам панциря, спускающегося на живот... выше... выше... Вот оно!

Искореженный металл, забрызганный еще красными, но на глазах буреющими пятнами. Потемневшая палка, косо торчащая из рваной дыры. Всего-то.

Королева Каталия утомленно опустила перламутровую трубочку на колени, и она утонула в складках серебристого атласа.

Геворг Железный... Геворг.

У него вилась черная шерсть по плечам и спине, кончаясь мысиком между лопатками. У него были громадные ладони и совсем уж нечеловечески-гигантские ступни ног, которые по-детски боялись щекотки. Он был груб, нетерпелив, он ни минуты не думал об удовольствии женщины... это ее и привлекало. И еще выражение его бесхитростного лица, когда она, удовлетворенно откатившись на край огромной кровати и приподнявшись на округлом локте, шутки ради обсуждала вслух виды казни за возможную измену...

Впрочем, все это было давно.

Тело уже убрали, кровавые пятна засыпали песком; победитель заканчивал круг почета вдоль ограды под радостные клики зрителей... Весь в пыли, серый теперь плащ небрежно перекинут через седло, а волосы у провинциального рыцаря оказались светлые – так странно для южанина. Королева подняла было зрительную трубу, желая разглядеть его лицо, – но князь-победитель как раз скрывался в воротах.

* * *

А герольды уже выкрикивали имена и титулы следующей пары – и снова почти ничего нельзя было понять. Кто, скажите, набрал таких герольдов?

Рыцари заняли исходные позиции в противоположных концах ристалища. Тот, чей конь переминался с ноги на ногу в дальнем конце, был кричаще одет в зеленое и оранжевое, а значит, принадлежал к роду Мак-Расвеллов. Мужчин боеспособного возраста в роду было

человек тридцать, не меньше. Литовт, вероятно, знает, кто именно из них выступил сейчас на арену... но какое это имеет значение? Каталия Луннорукая перевела взгляд на того, кто готовился к бою поближе, почти под королевской ложей.

Этот был уже в шлеме. Круглом, глухом, тускло-черного цвета. Черные же доспехи, чуть более светлый плащ, кажущийся на их фоне темно-серым. В общую гамму не вписывались только гневные ноги коня, нелепо торчащие из-под черной брони, искаженные в перспективе. Интересно, подумала Каталия, почему бы этим Черным рыцарям не взять себе за правило заводить вороных коней?

Редкий турнир обходился без участия хотя бы одного-двух Черных. Изгнанники, бастарды, выскочки без роду-племени, воинствующие монахи, иногда даже маги, – в сущности, любой, кто не имел ни родовых цветов, ни рыцарского звания, зато отличался непомерной гордыней, мог натянуть черные доспехи и явиться инкогнито на ристалище. Побеждали они редко, но некоторую изюминку в происходящее добавляли. Как-то раз Черный рыцарь вообще оказался женщиной... Королева усмехнулась.

Ярко-рыжий оруженосец протянул рыцарю черное копье, запрокинув при этом голову. Лицо мелькнуло на секунду – ничем не примечательный конопатый мальчишка, – но она почему-то напряглась от мимолетного ощущения чего-то знакомого. Бросила вопросительный взгляд на Литовта – советник смотрел в другую сторону. Да и чем бы он мог помочь: ни один вельможа не обращает внимания на лица слуг.

Королева Каталия Луннорукая знала в лицо каждого поваренка, горничную и пажа во дворце. Была уверена, что знала.

Черный поудобнее уравновесил копье; оруженосца рядом уже не было. Протрубили рога, и рыцари помчались навстречу друг другу, поднимая пыль на изрытой арене. Послышались азартные крики: возбуждение зрителей выходило на следующий виток.

Вот всадники сшиблись посреди ристалища – и закружились вокруг общей оси, будто исполняя ритуальный танец. Между ними спицей в колесе вертелось копье, непонятно, чье – оно каким-то образом сцепило коней в упряжку, не давая им разъехаться. Однако оба рыцаря держались в седле – несколько длинных мгновений.

Но вот толпа взревела: один из всадников таки полетел на землю, и, конечно же, это был Черный рыцарь. Впрочем, он тут же вскочил с потрясающей быстротой, – вероятно, на нем были облегченные доспехи, – выхватил меч и недвусмысленными жестами начал требовать спешиться и своего противника. Тот медлил, гарцуя вокруг на коне в оранжево-зеленой попоне.

– Он обязан принять бой, – сказал Литовт.

Словно услышав эти слова, потомок Мак-Расвеллов принялся медленно, тяжело, с явной неохотой сползать с седла.

Тем временем Черный отбросил в сторону свой чересчур светлый плащ, принял боевую стойку. И вдруг сделал резкий жест головой в глухом шлеме – словно отбрасывал со лба непослушную прядь волос.

И королева привстала, подавшись вперед.

Зелено-оранжевый Мак-Расвелл наконец ступил на землю, тоже снял плащ и аккуратно перекинул его через седло своего скакуна. Двое мужчин из obsługi выбежали на арену и увели упирающихся коней. Противник Черного – он оказался гораздо массивнее и выше на целую голову – обнажил меч.

– Узнайте, – хрипло бросила Каталия, – немедленно узнайте... Черный... кто это.

Литовт кивнул и передал по цепочке ее приказ.

По цепочке! Это будет слишком долго, слишком, они могут не успеть...

Пешие рыцари сошлись. Оба держали мечи в оборонительной позиции, и преимущество будет за тем, кто сумеет дольше сохранить ее. Они медленно кружились, как и только

что верхом. Толпа на минуту притихла, а затем с галерей понеслись отдельные крики, подгоняя противников и науськивая их друг на друга. Напряглись и подались вперед стабильеры. Королева до соленой крови закусил губу.

Казнить этих крикунов, всех до единого, как они смеют, как!..

И, конечно же, он не выдержал первый. Рванулся вперед, вычертив длинным мечом сверкающую дугу над головой. Он хорошо владел оружием, и доспехи на нем были не самые тяжелые, – но, так или иначе, он скоро устанет. В то время как Мак-Расвелл почти не шевелился. Будто вкопанный в землю, он заперся в глухой обороне, без лишних движений отражая удары. Он выбрал единственно правильную тактику: беречь силы и ждать, когда противник откроется.

– Черный молодец, неплохо дерется, – негромко сказал Литовт.

Уже догадался, – поняла Каталия.

О чем он мог догадаться?! – это ведь неправда, это не может быть правдой, она ошиблась! Мало ли на кого похож рыжий оруженосец, мало ли юношей прячут непослушные волосы под глухими шлемами... Сейчас вернется по цепочке ее приказ, и Литовт скажет: Ваше величество, это всего лишь какой-то...

Все произошло молниеносно. Массивная зелено-оранжевая фигура, казавшаяся страшно неповоротливой, внезапно совершила неуловимое движение, – и длинный меч Черного рыцаря, крутясь, отлетел на несколько метров в сторону. И тут же острие меча Мак-Расвелла уперлось в грудь противника.

Который не отступал, не падал. Вскинул голову все тем же мальчишеским жестом.

– Он не станет его убивать, – пробормотал Литовт.

Но королева уже ничего не слышала и не видела.

Она стремительно вскочила. Нога, соскользнув с обитой атласом скамеечки, подвернулась в щиколотке, но боли Каталия не почувствовала. Отчаянным движением сорвала с плеч серебряный шарф и, взметнув над головой, швырнула на ристалище. Выписывая петли и восьмерки, полупрозрачная ткань гордо спланировала вниз и повисла на пике ограды безвольной тряпкой.

Но уже трубили рога, и глашатаи вовсю неразборчиво вопили:

– Ее Велиство...рукая, единая власти... Сталлы... на Юге и Востоке повелевает...ратить поединки!

Мак-Расвелл послушно опустил меч.

Королева бессильно опустилась на сиденье.

На ристалище началось движение. Победителю подвели коня. Поддерживая с двух сторон, помогли взгромоздиться в седло. Сняв шлем и накинув на плечи оранжево-зеленый плащ, он неспешно начал объезжать арену вдоль ограды, поднимая копье навстречу овациям. Впрочем, значительная часть толпы, бросив бесполезное чествование победителя, кинулась к шарфу королевы, и в мгновение ока он был разорван на мельчайшие клочки. Под королевской ложей образовалась давка; Литовт негромко отдал приказ, и стражники принялись наводить порядок, размахивая кулаками и дровками алебард.

На побежденного Черного рыцаря уже никто не обращал внимания. Подобрав меч, он пешком побрел с ристалища, слегка припадая на левую ногу. Одна лишь Каталия Лунно-рукая проводила взглядом эту жалкую фигуру. Вполне возможно, что сегодня высочайшим повелением был спасен от смерти какой-нибудь выскочка без роду-племени... или?...

Она должна знать.

В углах арены уже появилась следующая пара. Протрубили рога.

– Не следуйте за мной, – бросила королева, вставая.

Встрепенувшаяся было челядь с явным облегчением осталась на местах и заметно оживилась. Обнаглевшие пажы громким шепотом заключили пари на исход начавшегося

поединка. Мальчишка-писец позволил себе встать, разминая затекшие ноги. Фрейлины захихикали, начальник стражи послал одной из них воздушный поцелуй. Маг-стабильер остался безучастен, а старший советник неодобрительно скривил губы.

Всего этого Каталия не видела. Отогнув атласный полог за спинкой своего сиденья, она поспешно спустилась по дощатым ступенькам. С изнанки галереи выглядели наспех сколоченными, убогими, лысыми. Туда-сюда сновали холопы из obsługi турнира. Один из них, узнав королеву, так и застыл на месте с вытаращенными глазами и разинутым ртом.

Она довольно смутно представляла себе, куда идти. Рыцари размещались в шатрах на холме сразу за ристалищем; но распространяется ли это правило на Черных? Кроме того, возможно, что тот рыцарь, один раз потерпев поражение, больше не захочет выходить на арену – и что ему тогда мешает сразу же покинуть турнир? Может быть, он уже в пути... если это не он.

А если он... куда бы он пошел после такого? Уж точно ни в какой не в шатер. Вернулся бы домой? Нет, ни в коем случае. Он бы вообще постарался никому не попадаться на глаза... мальчишка!..

Литовт догнал королеву раньше, чем она успела миновать галереи.

– Возьмите, Ваше Величество.

От неожиданности она резко обернулась, гневная, готовая на месте уничтожить наглеца. Советник держал на вытянутых руках черную кружевную накидку.

– Будет лучше, если вы останетесь неузнанной, – жестко отчеканил он. – Вы поступаете неосмотрительно. Я мог бы навести справки за две минуты. Я уже их навел.

– Вы забываетесь, – машинально проговорила Каталия. – И... что?!

Литовт с ловкостью горничной расправил складки накидки. Черная... Не королевский цвет.

– Вы не ошиблись, Ваше Величество.

Разумеется, она не ошиблась! Она и не могла ошибиться, – Каталия разом забыла о своих недавних сомнениях, – и если это все, что он имеет ей сказать... Литовт последнее время слишком много себе позволяет. Впрочем, он всегда позволял себе слишком много, он имел на то основания... Но сейчас, именно сейчас ему не стоило подворачиваться под руку с накидкой и давно известными сведениями.

– Черные доспехи он позаимствовал за небольшую плату у одного бастарда из восточных провинций, – ровно продолжал Литовт. – Уже отдан приказ об аресте, сделано это будет тихо, после турнира.

– Зачем? – равнодушно уронила она.

– Отменить?

– Не надо, – королева перевела дыхание. – Я хочу видеть сына. Немедленно.

Советник пожал плечами.

Сейчас он скажет, что в этом нет никакого смысла, что до конца турнира ничего не изменится, а на турнире она обязана присутствовать ради спокойствия народа или хотя бы из уважения к традициям. Если бы он сказал что-то подобное – она бы забыла, навсегда забыла о тех заслугах, что давали ему право на дерзость!.. И, кстати, была бы счастлива наконец об этом забыть.

Но Литовт произнес:

– Идемте.

* * *

Под ногами хлюпала грязь, щедро сдобренная конским навозом, и приходилось приподнимать подол платья так, что обнажались щиколотки. Нахальные оруженосцы, да и неко-

торые рыцари, высовываясь из шатров, отпускали по этому поводу непристойные шуточки. Королева не обращала внимания. Достаточно того, что Литовт, без сомнения, хорошо запомнил их лица и родовые цвета. Подул ветерок, и слева отчетливо потянуло тяжелой вонью отхожей ямы. Каталия зажала нос краем черной накидки.

Эжан. Ну что, что ему здесь делать?!..

Прошло несколько вечностей, прежде чем советник молча распахнул перед ней скрипучую дверь приземистого дощатого строения – и отступил в сторону. Королева пригнулась и вошла – одна.

В нос ударил крепкий запах, куда сильнее, нежели снаружи – но и здоровее, природнее. Пахло лошадьми. Терпким потом, навозом и сеном. В полумраке фыркали и шептались длинные морды, выглядывая из-за перегородки импровизированной конюшни. Одна из них доверчиво ткнулась прямо в грудь слишком близко подошедшей Каталии.

Зачем Литовт привел ее сюда? Неужели ему донесли, что... Но это бессмыслица!

Шорох в углу резко выбился из общей гаммы шелестящих лошадиных звуков. Королева обернулась. И в одно мгновение, еще не видя человека, остро поняла, что это действительно ОН. Тот, кого нужно обнять, прижать к груди, увести отсюда и больше никогда не отпускать от себя ни на шаг...

Коротко и холодно:

– Как это понимать, принц Эжан?

Темный силуэт у лошадиной перегородки вздрогнул и остановился.

– Матушка...

За последний месяц его голос, не ломаясь, вдруг стал ниже на целую октаву. Вместо мальчишеского дисканта мягкий баритон – словно чужой, даже страшно. Она слегка переделала округлыми плечами под черным кружевом. Нет, вовсе не чужой, зачем себя обманывать? Страшно прямо противоположное: слишком знакомый у него теперь голос...

– Матушка, что... что вы здесь делаете? Как вы...

– Что ТЫ здесь делаешь? – оборвала она. – Как ты посмел решиться на такую неслыханную... глупость?!

Эжан шагнул вперед, и рассеянный свет от дверной щели нашел его лицо. Боже мой, его лицо... Тоже в считанные недели возмужавшее, чеканно затвердевшее – если не считать по-детски дрожащего сейчас подбородка с темной порослью несерьезной бороды.

– Что... – баритон предательски пустил петуха, – что в этом глупого, если мужчина участвует в рыцарском турнире?

– Ты принц, – отчеканила она. – Наследник престола.

– Что в этом глупого, если наследник престола участвует в рыцарском турнире?! – выкрикнул Эжан уже запальчиво.

Громко фыркнула лошадь, потянувшись к его рукаву.

– Ничего, – устало бросила Каталия. – Если он выходит на ристалище в цветах королевского дома, а не унижает себя и свою мать черными доспехами.

Унижает – не надо было произносить это слово. Говорить его мальчику, который и без того унижен поражением. Который отсиживается в этой грязной конюшне, выжидая момента, чтобы проскочить домой незамеченным. А каким унижением для него было возвращать доспехи тому восточному бастарду! – мерзавец будет вздернут сразу же после турнира, Литовт избавит ее даже от повеления... Эжан, бедный мой... прости.

– В цветах королевского дома, – пробормотал принц, – чтобы противники боялись тронуть меня пальцем, не то что копьем, а подбирал их собственноручно господин старший советник!

Эжан никогда не называл Литовта по имени. Только должность – и то сквозь презрительно стиснутые зубы. Так доведенный до белого каления утонченный аристократ с отвращением выплевывает площадную брань.

– Что с ногой? – спросила Каталия.

Эжан встрепелся, словно именно этот вопрос по-настоящему задел его за живое. Конечно: сейчас он заново переживает свой неудачный поединок вплоть до каждого выпада, защитного приема, обманного движения. До каждого упущенного шанса.

– Если б не нога... – с болезненной досадой выговорил он, не обращаясь к матери. Через мгновение взглянул на нее:

– Все в порядке, просто ушиб... когда упал с коня. Уже не болит.

И – чуть помолчав:

– Матушка, вы должны присутствовать на турнире.

Один из коней неожиданно задрал голову и заржал так, что заложило уши. Королева отвернулась, прикусив изнутри губу.

Сын прогоняет ее. Его можно понять: мальчику хочется остаться наедине со своим поражением, снова и снова все обдумать и утешиться тщательнейшей стратегией поединка на следующий раз... Следующего раза не будет! – но сегодня Эжан должен верить в возможность реванша, она понимает... Она все понимает. В конце концов, не выходить же ему из этой конюшни среди бела дня под руку с матерью...

И все-таки он ее прогоняет. Сын. Королева сильнее сжала зубы, и на язык просочился приятный солоноватый вкус.

– Мы поговорим вечером, принц Эжан, – бросила она не с угрозой, а с бесстрастной неизбежностью в голосе. И, пригнувшись, шагнула в дверной проем.

Литовт не дожидаясь ее – хотя, вне всякого сомнения, кто-то из его людей на расстоянии обеспечивал ее безопасность. Как долго она отсутствовала? Три-четыре поединка, а может быть, и все пять. Нечего надеяться на то, что это прошло незамеченным. Более того, у многих хватит ума связать ее отлучку с шарфом, брошенным на арену в знак прерывания поединка, – такое королева позволяла себе нечасто. А там недалеко по цепочке и до Черного рыцаря... хоть бы люди Литовта казнили того бастарда раньше, чем он начнет болтать!

Эжан, Боже мой... Меньше чем через год он станет совершеннолетним, будет коронован и войдет на престол. Надо смотреть правде в глаза: вряд ему удастся стать королем мирно и спокойно, без неожиданностей, – с его лицом, фигурой, голосом... Она всегда это знала, она сделала все, чтобы свести риск до минимума. Все, что могла, – но она не всемогуща. Мальчику придется бороться, стать жестким и жестоким, расчетливым и дальновидным, окружить себя такими людьми, как Литовт, и беспрекословно следовать советам матери...

Придется. Иначе не бывает.

... а он втихаря выносит свою мальчишескую гордыню на арену, вырядившись в чужие доспехи позорного для королев черной расцветки.

Порыв ветра собрал в складки ее накидку: кружево замельтешило перед глазами, и королева резким движением сорвала подношение старшего советника. Даже из соображений тайны и безопасности Каталия Луннорукая, единая властительница Великой Сталлы и провинций на Юге и Востоке, не собирается ходить в черном!

Она швырнула съездившуюся накидку на землю и, повыше подобрав подол, каблуком винтила ее в грязь.

Почувствовала чей-то взгляд и подняла глаза.

Полог ближайшего шатра был откинут. У рыцаря, вышедшего на воздух, были светлые волосы и тонкое, почти женственное лицо с прямым носом, красиво вырезанными губами

и большими глазами сине-зеленого морского цвета. Совсем молодой, года на три-четыре старше Эжана. Уже без доспехов, в легком камзоле – белом с голубым.

Каталия улыбнулась.

Поселок Порт-Селин, 119-й год от Эпохи Великих Свершений

Она шила это платье вечерами, при свете керосиновой лампы, а то и тусклых коптилок на топленом сале. И сейчас, в лучах яркого солнца, впервые увидела издевательское рыжее пятно посреди подола длинной юбки. Старое и несмываемое, явно появившееся еще в те времена, когда платье было портьерой в большой комнате. И что же теперь делать?!

Только расплакаться.

Так Лили и поступила.

Она бы плакала долго и безутешно. Однако древнее зеркало, мутное и пошербленное, бесстрастно отразило красное некрасивое лицо разобиженной девчонки шестнадцати лет. На такое лицо она просто не имела права! – она, владелица великолепного парчового платья с глубоким декольте, пышными буфами рукавов и присборенной юбкой до земли...

С рыжим пятном.

Все еще шмыгая носом, Лили присела на корточки перед комодом и с трудом выдвинула нижний разошедшийся ящик. Не вынимая, приоткрыла шкатулку с бабушкиными «драгоценностями». На ощупь разыскала круглую брошь с пластмассовым жемчугом и задвинула ящик на место. Не до конца, конечно, – но времени уже не было.

Новая складка до треска стянула пояс, но пятно полностью скрылось в ней. Вот видишь – а ты переживала. Лили поправила перекошенную брошку. Некоторые «жемчужины» еще поблескивали, хотя большинство давно стали матовыми белыми шариками.

Она выпрямилась и улыбнулась своему отражению. Пора.

– Уходишь? – отозвалась с кухни мать на протяжный дверной скрип.

– Да, ма, – створка двери, как назло, прижала подол. – Там фильм из города привезли. Не выходи, я сама закрою!

Поздно. Мама уже показалась в кухонном проеме, локтем откинув тюлевую занавеску. Изможденные черты стянулись в напряженную сосредоточенную гримасу – выражение, давно ставшее главным на когда-то мягком и красивом лице. Кисти худых красных рук были сейчас белыми от муки.

– А я думала, ты мне с оладьями помо... Что это ты на себя нацепила?!

Лили вздохнула.

– Ма, я пойду, хорошо?

– Живо переоденься по-человечески!

Не слишком далеко убранные слезы сами собой встали наизготовку в уголках глаз.

– Я опоздаю. Я уже опаздываю! Джерри, он меня пригласил, он ждет...

– Я кому сказала!!!

Мать шагнула вперед и всплеснула руками. В воздухе вздымилось белое облачко, и она жалобно вскрикнула, глядя, как частички муки медленно опускаются на пол. Пробормотав что-то нечленораздельное, развернулась и бросилась обратно в кухню.

Лили метнулась за порог.

* * *

Уже вторую неделю ярко светило солнце, и непролазная грязь сохранилась только в тени под заборами да в глубоких рытвинах разбитой колеи на дороге. А посередине земля уже совсем просохла. Можно было ступать на нее всей ногой, а не прыгать на цыпочках с камня на камень, как это обычно приходилось делать, если не наденешь резиновые сапоги.

Правда, обнажился весь мусор, когда-то утопленный в лужах, и надо было все-таки смотреть под ноги и придерживать подол голубого платья.

Посреди дороги линиялая кошка пыталась проникнуть в прошлогоднюю банку из-под консервов. Увидев девушку, зашипела и вздыбила остатки шерсти, решая, броситься ли наутек или защищать добычу до последнего. Лили посторонилась, пройдя по самой кромке сухой земли. С такими кошками лучше не связываться.

Они с Джерри договорились встретиться перед Бывшим заводом в семь. Единственные в доме часы уже давно не вызывали у нее доверия, и Лили, прислушиваясь, замедлила шаги напротив дома Шлегеля с высоченной антенной на крыше. Старик, как было всем известно, ловил вражеские голоса. Они не только поставляли ему недоступную другим, хоть и, по общему мнению, совершенно бесполезную информацию, но и каждые пятнадцать минут довольно громко передавали сигналы точного времени. По Шлегелю сверялся весь поселок.

Сейчас из дома с антенной не доносилось ни звука. Лили пошла быстрее. Остается надеяться, что она не очень опоздала, – хотя Джерри ведь все равно дождется. Он такой.

Интересно, какой сегодня покажут фильм? Было бы здорово, если бы продолжение про Веронику и принца, ведь месяц назад лента оборвалась на самом интересном месте. Зато потом почти неделю подряд снились разноцветные приключенческие сны... Не СНЫ, но все-таки...

СНЫ Лили не снились уже давно. Так давно, что она почти перестала тосковать по ним.

– Бесстыжая!

Лили вздрогнула.

Огромных размеров бабища по имени Нэт из дома напротив стояла у калитки, возложив на покосившуюся планку свои необъятные телеса.

– Было бы чего вываливать, – лениво бросила она. – А то заголила худорбу и довольна, проститутка!

Не отвечать! – молча и отчаянно приказала себе Лили. – И даже не смотреть. Повыше поднять голову и ни в коем случае не позволить рукам, от неожиданности выпустившим юбку, трусливо потянуться к декольте. Нэт всегда была дурой и, потом, у нее недавно забрали в армию старшего сына. Если обижаться на каждую глупую и несчастную женщину... Лили подхватила подол, успевший черкнуть по дорожной пыли, и поспешила дальше.

Хоть бы немножко подсохла та громадная ямина с водой поперек дороги, где уже несколько месяцев мертво буксовала чья-то брошенная телега. Лили совсем забыла об этом непроходимом препятствии. Как теперь его преодолеть – в ее платье? Похоже, мама оказалась права: надо было одеться «по-человечески»... Но если даже на фильм не надевать платья, то куда вообще остается выходить в нем? Зачем тогда было его шить?!

Вот именно – зачем?...

Если все равно нет и не будет никаких СНОВ... А может, никогда и не было.

К ее огромному облегчению, телегу куда-то убрали. Вечная лужа порядком обмелела, и какой-то энтузиаст даже бросил поверх нее два продавленных куса фанеры. Подняв юбку значительно выше колен, – где ваша борьба за нравственность, тетя Нэт? – Лили в несколько балетных прыжков достигла сухого места, почти не забрызгав голубую парчу.

Такая удача подняла настроение. Исчезло чувство скованности и глупой театральной сты, прилипшее к Лили с тех пор, как она сбежала от материнского гнева... или еще раньше: когда обнаружила пятно. Все стало на свои места в яркой и праздничной витражной картинке: она сама, ее великолепное платье, верный Джерри, солнечный день, фильм про Веронику, будущие сны...

Или даже СНЫ.

Вприпрыжку, почти не глядя на мусор под ногами, Лили завернула за угол.

Джерри, конечно же, ждал ее, сидя на парапете сухого фонтана перед облупленным фасадом Бывшего завода. Но не один. Рядом с ним примостился у самого края сосед Лили, старый Шлегель, – вот, оказывается, почему у него молчало радио. Юноша что-то горячо доказывал старику, размахивая, словно мельница, длинными худыми руками. В левой – Джерри был левша, – он сжимал газетный листок.

Лили хитро улыбнулась. Можно подкрасться на цыпочках и закрыть ему глаза. Если только Шлегель не выдаст.

– ... а что вы предлагаете?! – приближался звонкий мальчишеский голос. – Остаться здесь на всю жизнь или, может, записаться в армию? Лично я считаю, что обязан использовать любую возможность. А вдруг?! – очки в слишком большой оправе съехали ему на нос, и Джерри привычным жестом загнал их на место. – Ну что, что я теряю?

– Ровным счетом ничего, молодой человек, – Шлегель поднял глаза, увидел Лили и заговорщически ей подмигнул. – Только не возлагайте на это особенных надежд. Вот, собственно, и все, о чем я хотел вас предупредить.

– И все равно вы непра...

Лили опустила на его лицо ладони. Пальцы скользнули по выпуклым прохладным линзам. Джерри напрягся и так резко выпрямился, что ненароком сбросил ее руки.

Все-таки он чересчур нервный.

– Лили...

Он улыбнулся и встал с парапета. Высоченный – она едва доставала ему до груди – и худющий, словно сложенный из древесных веточек. Джерри дружил с Лили с первого класса, и уже тогда он был самый высокий и худой среди мальчишек. И самый умный.

Джерри нагнулся, чуть ли не сложившись вдвое, и она чмокнула его в щеку. Потом вежливо поздоровалась со Шлегелем.

– Вы прелестно выглядите, мисс: просто юная принцесса из средневековой сказки. На редкость удачный туалет.

Ну вот, а Джерри, конечно, только теперь заметил, во что она одета. А заметив, – обомлел, онемел и поправил очки. В то время как старый Шлегель поднялся, взял руку Лили и поцеловал по всем правилам: не притянув к себе, а склонившись над ней. Лили зарделась.

– Мы идем на фильм, – скромно похвасталась она.

– Что вы говорите! – Шлегель изумленно повел лохматыми седыми бровями и несколько раз прицокнул языком. – Вы произведете фурор, мисс!

Лили поймала иронические искорки в его прищуренных черных глазах и потупилась. Старик смеялся над ней, – а она приняла его галантность за чистую монету.

Почему над ней все время кто-то смеется?...

– Из города должны привезти пленку, – пояснил Джерри. Его рука нашла ее пальцы, и Лили снова почувствовала себя увереннее. Если обижаться на каждого старого и...

– Из города?

Шлегель внезапно посерьезнел.

– На вашем месте я бы осторожнее относился ко всему, что исходит из города, молодые люди, – негромко произнес он. И, помолчав, добавил уже совсем загадочно:

– Город живет сейчас своими интересами. Если вообще живет.

* * *

– И любит же старик напустить туману, – прокомментировал Джерри, когда они, взявшись за руки, спешили к Площади Независимости. – Полчаса убеждал меня не верить ничему, что пишут в Газете. И ни единого аргумента, сплошные общие места! Я и сам знаю, что Газета заангажирована, но какой им смысл... Вот смотри, Лили!

Путаясь в длинной юбке, она едва поспевала за его широченными шагами. И облегченно перевела дыхание, когда Джерри притормозил, развертывая газетный листок.

Бесплатная президентская газета доставлялась из столицы каждую пятницу с непостижимой регулярностью – на это в стране почему-то хватало бензина. Называлась она «Наш аналитический вестник», а в народе – просто Газета. В семье Лили ее бегло просматривал отец, внимательно читая лишь спортивную страничку, а затем отдавал матери на хозяйственные нужды. Джерри же всегда проглатывал Газету от корки до корки. Смешной и хороший долговязый Джерри...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.